

© 2022 **Н.Н. Ковтун¹, И.С. Ковтун²**

¹ Нижегородская академия МВД России

² Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Предметом исследования в данной работе являются коллизии нормативного регулирования института реабилитации в уголовном судопроизводстве России и закономерности судебной практики, предметом которой является требование юридически реабилитированного лица о полном возмещении вреда и компенсациях в связи с публичной констатацией факта незаконности уголовного преследования.

Ключевые слова: реабилитация, принцип полного возмещения вреда, объем и размер возмещения, критерии разумности и справедливости возмещения и компенсации.

Н.Н. Ковтун

*Профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

И.С. Ковтун

*Доцент кафедры трудового
и экологического права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
кандидат юридических наук*

Нравственная сторона института реабилитации в уголовном судопроизводстве России традиционно подчеркивается как представителями российской уголовно-процессуальной доктрины, исследующими это правовое явление, так и официальными представителями каждой из ветвей государственной власти, апеллирующими к тезисам о правовом государстве и гражданском обществе. Акцентирующими моментами этих посылов служат «отсылки» к соответствующим предписаниям Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) и, естественно, ст. 52, 53 Конституции Российской Федерации. В итоге, закономерно констатируется вывод о том, что именно на этой фундаментальной основе в норматив-

ную ткань института российской реабилитации (гл. 18 УПК РФ) введены нравственно «окрашенные» нормы:

– закрепляющие принцип полного возмещения вреда, причиненного (реабилитированной) личности в ходе незаконного уголовного преследования, включая, естественно, восстановление ее иных неимущественных интересов и прав (ч. 1 ст. 133 УПК РФ)¹;

– гарантирующие указанное возмещение вреда от имени государства; причем вне зависимости от вины следственных и судебных органов – как публичных субъектов процесса (ч. 1 ст. 133 УПК РФ)²;

– устанавливающие (максимально) упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты интересов и прав реабилитированных, освобождающий последних от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при заявлении соответствующих требований к государству³.

Безусловно соглашаясь с нравственной подоплекой указанных норм, согласимся также с акцентами, по сути которых отстаивается тезис о том, что порядок и практические итоги реабилитации должны рассматриваться как своеобразная форма «извинений» государства за вред, причиненный в ходе незаконного уголовного преследования. Она же: компенсационная и (изначально) взаимоприемлемая форма примирения реабилитированного с государством – стороной в этом нравственно-юридическом отношении. Как следствие, в контексте указанных тезисов рассмотрим, насколько государство действительно стремится к снятию социально-правового конфликта, связанного с незаконным уголовным преследованием (впоследствии)

реабилитированных лиц, и их вовлечению в социальную жизнь гражданского общества.

При этом мы исключим из предмета анализа всю систему негативных коллизий, связанных с двусмысленностью юридических оснований для акта реабилитации, неопределенностью в понимании сути таких категорий, как «объем возмещения» и «размер возмещения». Не предмет для исследования также коллизии, связанные с правилами реабилитации по делам частного обвинения, установлением вида или размера вреда при частичной реабилитации; проблемы, возникающие в рамках возмещения ущерба индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам в порядке ст. 139 УПК РФ⁴.

Единственно актуальным для нас будет вопрос: насколько государство действительно готово «извиниться» за различного рода «ошибки» при уголовном преследовании, а его усилия по примирению отвечают нравственным и моральным устоям и ожиданиям общества, в лоно которого возвращается реабилитированный.

Начнем, естественно, с правил возмещения имущественного вреда, т. к. именно этот исходный запрос чаще всего в основе требований реабилитированного к государству; кроме того, именно к справедливому его разрешению, по идее, установлена основная система норм института реабилитации в уголовном судопроизводстве России (гл. 18 УПК РФ).

Повторимся: реабилитированный вправе рассчитывать на полное возмещение вреда (включая расходы по делу), связанного с незаконным уголовным преследованием. О том, что возмещение должно быть именно полным, «напоминают» и конституционно-правовые позиции высшего органа конституционного правосудия (определение КС РФ от 04.12.2003 № 400-О; от 16.12.2010 № 1674-О-О), и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17.

Нормы УПК РФ, правда, корректируют идею указанной «полноты», ибо, во-первых, неожиданно сложным оказался вопрос: насколько заявленная «полнота» охватывает собой не полученные реабилитированным доходы и упущенную выгоду. Во-вторых, денежная компенсация морального вреда – как элемент практической реабилитации – по букве закона, вынесена за рамки гл. 18 УПК РФ и декларируемого упрощенного порядка доказывания. Волей закона этот вопрос решается судом по правилам и в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 136 УПК РФ), что вряд ли должно восприниматься как «упрощенный» порядок доказыва-

ния. Кроме того, непосредственно практика явно «не в состоянии» определиться в моментах и порядке указанных выплат, объективируя взаимоиисключающие судебные правовые позиции, по сути которых:

– «упущенная выгода, о взыскании которой просил Т. (ст. 135 УПК РФ), ... к иным расходам не относится и не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а в силу ст. 28 ГПК РФ они подлежат рассмотрению районным судом в порядке искового производства»⁵;

– и, напротив: «...возмещению в порядке уголовного судопроизводства подлежит не только прямой ущерб, но и упущенная выгода»⁶; или «невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т. е. с возмещением убытков в виде упущенной выгоды»⁷.

При изначальной двойственности указанных тезисов судебная практика инициативно изыскала «оптимальную» форму разрешения указанных споров. Требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда, заявленные в порядке п. 1 ст. 135 УПК РФ (по основаниям п. 1 ст. 1070 ГК РФ), рассматриваются судом в порядке ст. 399 УПК РФ. Требования о компенсации упущенной выгоды (по основаниям п. 2 ст. 1070 ГК РФ) или денежной компенсации морального вреда – в порядке гражданского судопроизводства.

При этом, естественно, упускается, что в «гражданском» порядке ни «упрощения», ни иных привилегированных правил доказывания уже не предвидится, ибо, во-первых, бремя доказывания в исковом производстве всецело лежит на истце или его представителе, взыскать расходы на которого полностью вряд ли удастся. Во-вторых, большинство исследователей справедливо итожат, что суды, рассматривая иски в порядке гражданского судопроизводства, однозначно отказывают в удовлетворении требований в части возмещения имущественного вреда при одновременном предъявлении в суд требований о возмещении имущественного и морального вреда. Основания указанного – в неподведомственности рассмотрения спора о возмещении этого вида вреда в порядке гражданского судопроизводства⁸. Наконец, в-третьих, оценивая в денежных единицах нравственные страдания реабилитированного (моральный

вред; ст. 151, 152 ГК РФ), суд разумно примет во внимание как конкретные обстоятельства дела и данные о личности истца, так и сам характер понесенных страданий⁹. В итоге, максимально «возмещенные» суммы в принципе несоизмеримы с теми выплатами, которые известны по «европейским» или «американским» аналогам. За рамками разумных подходов остается и то, в силу каких именно «привилегированных» правил моральный вред, вполне разрешаемый судом по правилам гражданского иска в уголовном процессе, категорически не подлежит разрешению в порядке упрощенном и нравственно так благоприятном для реабилитированного. В итоге, категории максимально «полного» возмещения в контексте уголовно-процессуального института реабилитации и института возмещения вреда в гражданском праве России существенно не совпадают, причем не в пользу упрощенного и так нравственно ориентированного института, закрепленного в нормах гл. 18 УПК РФ.

По тем же лекалам реализуется и такая форма возмещения имущественного вреда, как «иные расходы» реабилитированного, понесенные в ходе производства по делу. Суть данных расходов отчасти разъясняет пленум (п. 15 постановления № 17). Во-первых, это расходы, понесенные реабилитированным непосредственно в ходе уголовного преследования (и неразрывно связанные с сутью указанной функции). Во-вторых, расходы, призванные к устранению негативных последствий указанной деятельности стороны обвинения, которая, напомним, актом реабилитации констатирована как незаконная. Среди последних: усилия реабилитированного, связанные с реализацией дальнейшего процесса реабилитации, по восстановлению здоровья; и т. п.

Свою лепту в «привилегированный» порядок имущественной реабилитации внесла непосредственно практика. Прежде всего, реабилитированный и суд принципиально различно понимают как виды понесенных расходов, так и их необходимую связь с фактом уголовного преследования. Указанное явно отражается на решении о возможности возмещения того или иного вида ущерба, а равно на констатации самого факта наличия последнего в объективной реальности. К примеру: реабилитированный Д. обратился в суд с требованием о возмещении имущественного вреда, в т. ч. расходов, понесенных на передачу ему (дополнительных) продуктов питания в период его содержания под стражей, а также средств, затраченных на копирование матери-

алов уголовного дела. Решением суда, вынесенным в порядке ст. 399 УПК РФ, в возмещении указанных расходов Д. отказано. Считая это решение суда незаконным, Д. обратился с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ. Последний, рассмотрев доводы реабилитированного, также отказал ему в возмещении данных расходов, мотивировав свое решение следующим: под возмещением «иных расходов», согласно п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, следует понимать такие расходы, которые не могли быть понесены лицом, не будучи привлеченным к уголовной ответственности. Согласно Закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», обвиняемые обеспечиваются питанием, достаточным для поддержания здоровья и сил по нормам, определяемым Правительством РФ. Данных о том, что эти требования закона при содержании под стражей Д. не соблюдались, суду представлено не было. Приобретение обвиняемым дополнительных продуктов питания, ...а также получение передач является его правом. Однако данное обстоятельство не свидетельствует о том, что, реализуя это право, обвиняемый несет расходы, которые по смыслу ст. 135 УПК РФ относятся к иным расходам, подлежащим возмещению в случае возникновения права на реабилитацию. Отказано Д. и в возмещении расходов на копирование материалов дела, так как документарно эти расходы подтверждены не были, а сам факт наличия у Д. (копий) процессуальных документов никак не свидетельствует о том, что они были получены на возмездной основе¹⁰.

Мотивировка, как видим, безукоризненна (с юридической и с нравственной стороны). Действительно, уровень и качество питания, гарантированные обвиняемым Правительством РФ, более чем достаточны для поддержания сил и здоровья всех лиц, содержащихся под стражей; как следствие, передачи продуктов арестованным лицам – излишество. Нет сомнений и в том, что в России камеры следственных изоляторов в достаточной мере укомплектованы не только бытовой, но и необходимой множительной техникой, позволяющей без труда и в нужном количестве множить (на безвозмездной основе) необходимые материалы дела. Как следствие, не только жалоба реабилитированного Д., но и клоновые, по сути, обращения арестованных в ЕСПЧ на невыносимые условия содержания под стражей в Российской Федерации не имеют под собой фактических и юридических оснований.

Еще в одном деле (оконченном реабилитацией в порядке гл. 18 УПК РФ) ситуация несколько иная.

Постановлением суда взысканы в пользу реабилитированного М. за счет казны Российской Федерации в т. ч. средства, полученные за продажу жилого дома и израсходованные для обеспечения материального существования семьи в период длительного уголовного преследования М.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, отменяя решение, указала, что жилой дом не был конфискован, арестован или иным путем обращен в доход государства на основании приговора или иного решения суда. В этой связи права М. на это имущество никак не нарушены. Он самостоятельно, добровольно распорядился правом собственности на принадлежащий семье дом. Более того, средства, полученные от продажи данного дома, не могут быть отнесены к «иным расходам», понесенным в ходе уголовного преследования, поскольку представляют собой не расходы, а доходы, полученные М. от продажи имущества¹¹.

И здесь все обоснованно. Реабилитированный М. сам виновен в сложившейся ситуации. Будучи в достаточной мере обеспеченным питанием и всем необходимым в следственном изоляторе, он не испытывал острой потребности в продаже (возможно, на кабальных условиях) данного дома. Семья не имела средств к существованию (?) – опять вина исключительно М. Находясь в следственном изоляторе, надо не о доходах (от продажи дома) думать, а о семье, в т. ч. обеспечив и ее калорийным питанием – достаточным для поддержания сил и здоровья.

Еще в одном случае реабилитированный В. обратился в суд с заявлением о взыскании пособия по нетрудоспособности. Постановлением суда от 11 декабря 2012 г. в удовлетворении данных требований отказано, ибо перед арестом В. не работал, в центре занятости населения на учете не состоял, в итоге нет оснований считать, что в результате незаконного уголовного преследования он лишился заработка либо пособия по нетрудоспособности. Кассационным определением от 13 мая 2013 г. постановление суда оставлено без изменения, кассационная жалоба В. – без удовлетворения¹².

И здесь все по закону. Однако напомним: даже не в столь высоконравственном институте процессуальных издержек лицам, вызванным в следственный орган или суд для выполнения процессуальных обязанностей и не имеющим постоянной заработной платы, от имени госу-

дарства выплачиваются вполне определенные суммы за отвлечение их от обычных занятий (п. 3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Хотя нет; им же (одновременно) не гарантируют ни нормальных «жилищных» условий в СИЗО, ни пропитания, достаточного для поддержания сил и здоровья.

Существенно «забылось» государство и нравственной стороной полного возмещения тех денежных средств, которые понес обвиняемый на оказание ему квалифицированной юридической помощи (п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ). Более того, именно в этом вопросе максимально полно объективировались истинные подходы последнего относительно социально-нравственной составляющей акта реабилитации. Проследим генезис судебных позиций в этом вопросе.

Суммы, выплаченные за оказание юридической помощи, – констатирует высшая судебная инстанция России, – подлежат возмещению реабилитированному в полном объеме; вне зависимости от сложности и объема уголовного дела, количества адвокатов и фактически затраченного ими времени на защиту, а также от имевшейся у обвиняемого возможности ходатайствовать о назначении ему защитника с оплатой за счет средств федерального бюджета¹³.

Однако в Определении от 2 апреля 2015 г. № 708-О высший орган конституционного правосудия России формирует принципиально иные, подлинно конституционные, правовые позиции. По смыслу последних: фактические и документально подтвержденные расходы, выплаченные доверителем адвокату за оказание квалифицированной юридической помощи, в принципе не являются императивом для суда, решающего вопрос о размере имущественных выплат в порядке гл. 18 УПК РФ. В итоге, «если судом будет установлено (на основании документов, заключений экспертов), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся, ...объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи»¹⁴.

Конституционное обоснование указанного: в критериях разумности и справедливости указанных выплат. Разумности и справедливости с позиций, естественно, государственных. Правда, объективируя заботу о «государевом» интересе, Конституционный Суд РФ в принципе не задается вопросом о достоверных критериях **действительной стоимости** оказываемых юриди-

ческих услуг. Между тем критерии эти изначально различны. Стоимость услуг столичных «мэтров» адвокатского сообщества (оценивающих юридические услуги, как правило, в конвертируемых единицах) и стоимость адвоката, практикующего в российской провинции, несопоставима в принципе. Более того, в пределах одного региона или города *a priori* невозможно вычислить «средневзвешенную» стоимость одних и тех же адвокатских услуг, ибо «расценки» в зависимости от фигуры клиента, свойств дела, самооценки юридически квалифицированного мэтра не только кардинально отличны, они непрогнозируемы. Это давно известно практикующим членам адвокатского сообщества, следственным органам, судам, клиентуре. Никем не оспариваемые принципы свободы договора и добровольное соглашение сторон, точно и правомерно, доминируют в этом вопросе, регулируя спрос, предложение, «цену» договора.

Как следствие, правомерны вопросы: именно суд, как орган отправления правосудия, конституционный орган власти, должен определять достоверную «стоимостную» оценку того или иного представителя адвокатского сообщества? Насколько достоверной должна быть эта оценка; должна ли она зависеть от субъективных установок того или иного судьи, от «сложившихся» или «не очень» отношений с конкретным адвокатом, от степени «управляемости» последнего в судебном процессе? Ответы на эти вопросы, скорее всего, даст судебная практика, которая, отметим, с редким воодушевлением реализует векторы предложенных «конституционных» новаций. К примеру: Апелляционным постановлением Московского городского суда № 10-7214/2013 на основе критериев разумности и справедливости снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К. на оказание квалифицированной юридической помощи с 34 млн рублей до 2 млн 266 тысяч рублей. В обоснование суд привел как общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, так и соответствующие национальному интересу акты ЕСПЧ. В частности, согласно ст. 41 Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г., резюмирует суд, «при определении размера компенсации причиненного лицу имущественного ущерба применяется принцип справедливости возмещения». Отсюда и «разумный» вывод: 2 млн 266 тыс. рублей достаточно и справедливо для полного возмещения понесенных расходов, несмотря на представленные реабилитированным докумен-

ты на оказание квалифицированной юридической помощи¹⁵.

В итоге, судами наработана вполне успешная практика определения исходной «достаточности» и максимальной разумности выплат государства реабилитированным. Для примера:

а. Р. обратился в суд с заявлением о реабилитации, в котором содержалось требование о выплате ему расходов, связанных с получением юридической помощи, в сумме 1 926 532 рублей. Указанные расходы сложились: из суммы «за вступление адвоката в дело», «оцененное» адвокатом в 266 500 рублей; собственно защиты на следствии, в суде первой и второй инстанций – 1 660 032 рубля. Разрешая ходатайство, суд исключил из заявленных требований 899 760 рублей – за вступление в дело, т. к. это не является фактическим оказанием услуг по защите, а также за участие в заседании суда кассационной инстанции, в котором адвокат не участвовал. Оставшуюся сумму в размере 1 026 772 рубля за оказание юридической помощи Р. суд уменьшил до 350 000 рублей, руководствуясь принципами разумности и соразмерности. Принимая решение, суд учел объем, сложность дела, количество дней фактического участия адвоката как на предварительном следствии, так и в судебном заседании;

б. Реабилитированный К. обратился в суд с заявлением о возмещении имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Среди иных требований он указал, что его защиту по делу осуществлял адвокат, стоимость услуг которого составила 4 500 000 руб. В обоснование требований К. представил в суд доказательства того, что денежные средства в указанном размере адвокату выплачены.

Суд удовлетворил заявление К. частично, взыскав 500 000 руб. в счет возмещения расходов за оказание квалифицированной юридической помощи. В обоснование суд указал, что находит уплаченную адвокату сумму чрезмерной, так как она не соответствует объему и сложности выполненной работы, количеству следственных и иных процессуальных действий и судебных заседаний, в которых адвокат принимал участие.

Суд установил, что К. предъявлено обвинение в совершении одного преступления; объем уголовного дела при направлении дела в суд составил 3 тома, а с учетом судебного следствия – 4 тома; срок предварительного следствия составил 5 мес. 30 суток, рассмотрение дела в суде длилось с сентября 2013 г. по июнь 2014 г. При

этом адвокат принимал участие в производстве процессуальных действий на стадии досудебного производства – семь дней, а в ходе судебного производства – в течение 14 дней. С учетом ч. 3 ст. 17 Конституции РФ суд первой инстанции, сославшись на принцип свободы договора, предусмотренный ст. 421 ГК РФ, признал требуемую К. сумму несоразмерной оказанным услугам и, учитывая принцип разумности, снизил ее размер до 500 000 рублей¹⁶.

Посчитано скрупулезно: до дней, часов, количества следственных, процессуальных и судебных действий, реализованных с участием адвоката. С позиций публичной «справедливости» последний, действительно, не «переработался». И все же, это надо уметь: за 7 и 14 суток однозначно выиграть у всемогущего государства, несмотря на всю мощь и организованность его оперативных, следственных и судебных органов, которые месяцами «трудились», обосновывая обвинение по делу; используя весь комплекс мер процессуального принуждения и весь аппарат подавления. Оправдательный приговор с этих позиций – это обидно (извините – несправедливо); реабилитация – неразумно; возмещение и компенсации – несоразмерно. В итоге, если что и остается понять, то «каким боком» здесь принцип свободы договора, к которому так сильно апеллирует суд; разве (по сути последнего) стороны не свободны в определении предмета, условий, цены договора? Адвокату заплатили чрезмерно? А если (полно и объективно) сравнить с «расходами» на деятельность и на всех субъектов реализации функции уголовного преследования, на систему судов, «солидарно» не обеспечивших «нужного» результата?

Риторические, по сути, вопросы, ибо ответы на них дает непосредственно практика, все более нарабатывающая высокий нравственный потенциал национальной реабилитации. Примером тому и очередные конституционно-правовые позиции¹⁷, по сути которых вышестоящая (кассационная) судебная инстанция всегда «исправит» ошибку нижестоящих судов и однозначно взыщет с реабилитированного «излишне» начисленные суммы, ибо неосновательное «обогащение» за счет государства изначально не входило в цель и назначение института реабилитации в уголовном судопроизводстве России. Как следствие, исследуемые «извинения» реабилитированному, по сути, «с камнем за пазухой». Скорее всего, и ресоциализация последнего, как полноправного члена гражданского общества, с тем же исходным подтекстом.

Библиографический список

1. Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2008 № 1037-О-О // Доступ из ИПС «Гарант».
2. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1674-О-О // Доступ из ИПС «Гарант».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2015 № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2021 № 41-П по делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко // Доступ из ИПС «Гарант».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Доступ из ИПС «Гарант».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (пункт 13) // Доступ из ИПС «Гарант».
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 № 89-О13-2 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 21.10.2022).
8. Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2004 № КАС04-203 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.04.2004 № ГКПИОЗ-1383, которым были признаны частично недействующими пункты 7 и 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Минюстом СССР, прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
9. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 № 67-О10-57 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 21.10.2022).
10. Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 по делу № 89-О13-2 [Электронный ресурс]. URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/89-%D0%BE13-2/ (дата обращения: 23.10.2022).
11. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 28.08.2017 по делу № 33-12768/2017 // Доступ из ИПС «Гарант».
12. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 13.04.2018 по делу № 33-3228/2018 // Доступ из ИПС «Гарант».

13. Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.08.2013 № 10-7214/2013 // Доступ из ИПС «ГАРАНТ».

14. Антонов А. Обобщение судебной практики о применении судами института реабилитации в уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-o-primenenii-sudami-institutata-reabilitacii-v-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 18.10.2022).

15. Головки И.И. Объем возмещения вреда реабилитированным лицам: понятие и проблемы правового регулирования [Текст] / И.И. Головки // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3(45). – С. 26–37.

16. Острикова Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности [Текст] / Л.К. Острикова // Lex Russica. – 2017. – № 5(126). – С. 105–115.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1674-О-О // Доступ из ИПС «Гарант»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (пункт 13) // Доступ из ИПС «Гарант».

² См.: пункты 11 и 13 постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2011 № 17 // Доступ из ИПС «Гарант».

³ См.: пункты 17 и 18 постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2011 № 17 // Доступ из ИПС «Гарант».

⁴ Подробнее см., напр.: Острикова Л.К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex Russica. 2017. № 5(126). С. 105–115; Головки И.И. Объем возмещения вреда реабилитированным лицам: понятие и проблемы правового регулирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3(45). С. 26–37.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 № 67-О10-57 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 21.10.2022). Принципиально отличны в этом контексте правовые позиции высшего органа конституционного правосудия, констатирующие, что возмещению подлежит не только реальный ущерб, но и упущенная выгода (определение КС РФ от 17.12.2008 № 1037-О-О).

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2008 № 1037-О-О // Доступ из ИПС «Гарант».

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2004 № КАС04-203 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.04.2004 № ГКПИ03-1383, которым были признаны частично недействующими пункты 7 и 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Минюстом СССР, прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

⁸ См., напр.: Острикова Л.К. Указ. раб. С. 113.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Доступ из ИПС «Гарант».

¹⁰ См.: Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 по делу № 89-О13-2 [Электронный ресурс]. URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/89-%D0%BE13-2/ (дата обращения: 23.10.2022).

¹¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2010 № 66-О10-123. Цит. по: Острикова Л.К. Указ раб. С. 110.

¹² Цит. по: Антонов А. Обобщение судебной практики о применении судами института реабилитации в уголовном процессе [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-o-primenenii-sudami-institutata-reabilitacii-v-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 18.10.2022).

¹³ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 № 89-О13-2 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://vsrf.ru/> (дата обращения: 21.10.2022).

¹⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

¹⁵ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.08.2013 № 10-7214/2013 // Доступ из ИПС «Гарант».

¹⁶ Цит. по: Антонов А. Обобщение судебной практики о применении судами института реабилитации в уголовном процессе // Там же. Аналогично см., напр.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 28.08.2017 по делу № 33-12768/2017 // Доступ из ИПС «Гарант»; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 13.04.2018 по делу № 33-3228/2018 // Доступ из ИПС «Гарант».

¹⁷ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2021 № 41-П по делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко // Доступ из ИПС «Гарант».

THE MORAL SIDE OF REHABILITATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

N.N. Kovtun

Professor of the Department of Criminal Procedure Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor

I.S. Kovtun

Associate Professor of the Department of Labor and Environmental Law of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Sciences (Law)

The subject of the research in this paper is the conflicts of the normative regulation of the institute of rehabilitation in criminal proceedings in Russia and the regularities of judicial practice, the subject of which is the requirement of a legally rehabilitated person for full compensation for harm and compensation in connection with the public statement of the fact of the illegality of criminal prosecution.

Keywords: rehabilitation, the principle of full compensation for harm, the amount and amount of compensation, the criteria of reasonableness and fairness of compensation and compensation.